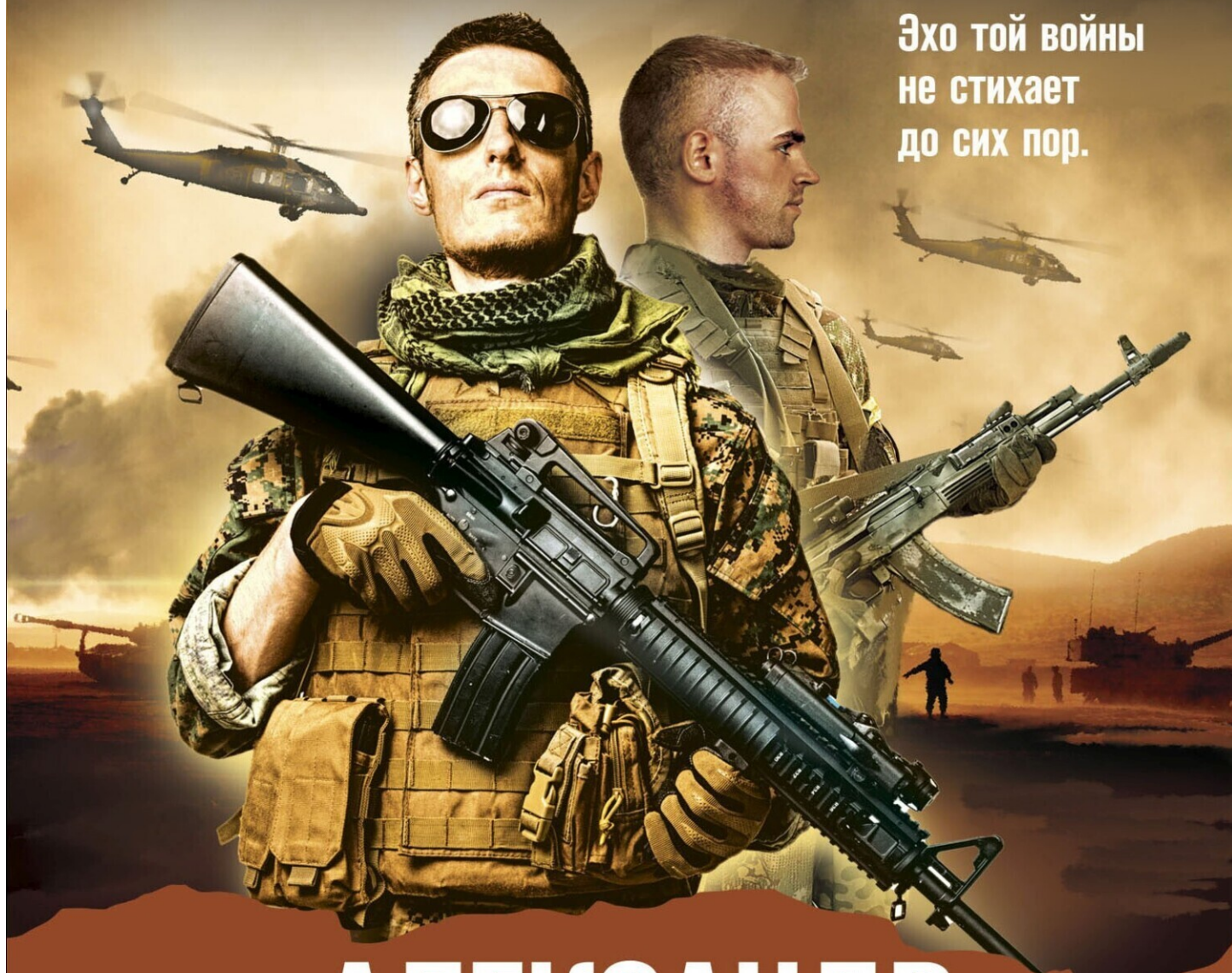

ОГНЕЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Эхо той войны
не стихает
до сих пор.

АЛЕКСАНДР ТАМОННИКОВ

Боевая хроника. Романы о памятных боях

Александр Тамоников

Огненное побережье

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Огненное побережье / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2021 — (Боевая хроника. Романы о памятных боях)

ISBN 978-5-04-158149-7

Старые друзья Борис и Павел оказались на Ближнем Востоке в самый разгар арабо-израильского конфликта. Бориса назначили консультантом по рукопашному бою в армию Египта. А Павел, незадолго до этого эмигрировавший в Израиль, служит у израильтян переводчиком. Во время боевой операции Борис попадает в плен. На допросе он встречает Павла, который ненавидит войну и службу в армии. Вместе они решают бежать. Но, как оказалось, перебить охрану и вырваться на волю — это только полдела. Настоящие испытания ждали беглецов впереди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-158149-7

© Тамоников А. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Салам! Шалом!	13
Салам алейкум, Египет!	13
Шалом, Израиль!	20
Заложники	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Александрович Тамоников

Огненное побережье

*Особая благодарность Ирине Юрьевне Сладковой за
предоставленные материалы.*

Описанные события базируются на воспоминаниях участников.

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*И снова злой поток,
И снова в спину нож.
Скрипучий шепоток,
От сплетен невтерпез.
Но это для меня
как талая вода —
Из разных мы конюшен, господа.
Властители судеб,
Опять между собой
Деритесь, милые,
Я отвергаю бой.
На поводу у вас
Не буду никогда —
Из разных мы конюшен, господа!*
Карина Филиппова

Пролог

Хвостатая очередь змеилась вдоль тротуара, мешая прохожим, и упиралась головной частью в стеклянные двери кафе-мороженого. Стоял сырой ноябрь, и девушки в коротких юбчонках, капроновых чулочках и туфельках зябко пританцовывали, не теряя надежды попасть в желанное заведение и получить свой кусочек счастья в виде мороженого, красного сухого вина и маленького оркестрика, музыка которого вселяла надежду на яркую и беззаветную любовь. Их кавалеры стояли безмолвными статуями, лишь периодически делая пару шагов вперед, тем самым сокращая разрыв в очереди, чтобы в промежутки не вклинился какой-нибудь ловкач. Несмотря на мелкий моросящий дождь, зонтов в очереди не наблюдалось во избежание несчастных случаев.

Распихав страждущих, двое молодых людей в долгополых пальто и широкополых шляпах подошли к двери кафе. Один из них постучал по стеклу, а второй, пристроившись сзади, успокаивал возмущенную очередь, непрерывно повторяя: «У нас заказано». То же самое повторил и первый, когда швейцар приоткрыл дверь. При этом он расстегнул пальто и из переднего кармана пиджака высунул уголок купюры. Швейцар на пару секунд задумался, а потом гаркнул хрипловатым голосом, чтобы слышали в очереди: «У них заказано!» – и впустил парней внутрь. Они направились к гардеробу, а ранее обозначенная купюра мимоходом перекинулась в боковой карман стража дверей.

Раздевшись, парни по лестнице поднялись в ресторанный зал. Одеты они были в добротные импортные костюмы, что являлось большим дефицитом и приобреталось из-под полы или по блату. Они любили хорошо одеваться и не жалели на это денег. Но галстуков не носили, протестуя против навязанных стандартов. У одного из них на плече висела небольшая кожаная сумка с надписью на иностранном языке.

Несмотря на столпотворение на улице, зал был полупустым и мог вместить значительную часть очереди.

– Где сторожит, там и имеет, – прокомментировал один из парней со смешком, намекая на швейцара.

– Но упрощает жизнь таким, как мы. Ничего в этом мире не меняется. Советская власть крепка и несокрушима, – дополнил второй.

Они заняли столик возле стены и начали разглядывать посетителей в ожидании официантки.

«Синий, синий иней лег на провода...» – затянул оркестрик, и несколько пар отправились танцевать на предназначенный для этого пятачок возле музыкантов.

– Они украли эту мелодию, – сказал Павел Стрельцов – так звали одного из парней – и склонился в сторону оркестра. – Я ее слышал в записи на английском, когда «Поющих гитар» и в помине не было.

– Не украли, а переложили на русский текст, – возразил сидящий рядом с ним Борис Звягинцев, коротко стриженный парень средних размеров.

– Тогда надо автора музыки указывать, а не себе присваивать. Плагиаторы хреновы. – Павел брезгливо поморщился.

Вскоре подошла официантка – дебелая девица с выщипанными бровями и сильно напмаженными губами. Она с чувством брезгливого превосходства бросила на стол меню и вопросительно уставилась на посетителей. Стрельцов не менее брезгливо отодвинул от себя меню и сделал заказ небрежным тоном:

– Бутылку «Саперави», четыре эклера и по три шарика мороженого, – и добавил: – Несмотря на ноябрь, вы выглядите, как майская роза.

Ввиду скудности и незыблемости ассортимента Паша знал содержание меню наизусть. Он посмотрел на официантку призывным взглядом и загадочно улыбнулся. От неожиданного комплимента глаза у девицы потеплели.

– Я быстро, мальчики, – пообещала она, изобразив приветливую улыбку, и удалилась, поигрывая широкими бедрами.

Борис Звягинцев понимающе усмехнулся – Паша был из тех роковых мужчин, которые неминуемо нравятся женщинам: статный, черноволосый, смуглолицый красавец с роскошными усами – прямо Педро Зурита из «Человека-амфибии».

«Ищу я лишь ее, мечту мою...» – продолжал старательно завывать певец, звезда заведения. Танцующие пары все теснее прижимались друг к другу, за столиками выпивали и закусывали. Кафе жило обыденной жизнью.

Вскоре на столе появились откупоренная бутылка красного вина, стеклянные бокалы, блюдечко с эклерами и две металлические вазочки с мороженым – стандартный джентльменский набор.

– Делаем подмену? – Боря вопросительно посмотрел на товарища.

– Давай, – согласился Паша, украдкой глядя по сторонам.

Выдернутая из сумки бутылка мгновенно оказалась на столе, а искомая, принесенная официанткой, заняла ее место. Они ничем не отличались, даже штамп заведения на этикетке был тот же.

– Что у нас на сей раз? – спросил Паша.

– «Столичная» под вишней. В смысле с вишневым сиропом, – пояснил Боря. – Качественное пойло, на все сорок градусов. И по цвету от «Саперави» не отличается.

– Огурчиков бы соленых сейчас, чтоб хрустели... – мечтательно проговорил Паша.

– Закусывай, чем бог послал, – сказал Боря, наполнив бокалы. – Как говорила французская королева, «если им нечего жрать, то пусть жрут пирожные». Вот мы и жрем пирожные, чтобы не подохнуть от недостатка колбасы. Давай, за встречу.

Они выпили и закусили эклерами.

Все эти кунштюки с подменой алкогольного пойла друзья проделывали еще со студенческих времен, и технология обмана была отработана досконально, до мелочей.

Борис Звягинцев и Павел Стрельцов познакомились при поступлении в Физико-технический институт в городе Долгопрудном, где их поселили в одной комнате общежития. Оба не прошли по конкурсу: Стрельцов получил тройку по устной математике, а Звягинцев пролетел из-за еврейских корней – мать у него была еврейкой. Причину пролета позднее пояснил ему один из доцентов Физтеха Самуил Меерович Койфман: «Чтобы ядерные секреты в Израиль не уволокли».

После неудачи парочка подала документы в Московский энергетический институт. За время совместного проживания они подружились. «Сошлись вода и пламень» – эмоциональный романтик Паша и спокойный прагматик Боря. Учились ни шатко ни валко, но до стипендии дотягивали. На жизнь и выпивку хватало, тем более что Стрельцов, когда деньги неожиданно кончались, отлучался на игру в покер и без выигрыша никогда не возвращался. «У них на лицах все написано, а лезут блефовать», – так он объяснял причину своих неизменных побед. Оба увлекались спортом: Паша весьма успешно занимался легкой атлетикой, а Боря дорос до мастера спорта по самбо.

Стрельцов имел недюжинные способности к изучению иностранных языков, занимался ими по своей воле и с удовольствием. Родители сокрушались – зачем он поступил в технический вуз, мол, надо было идти по дипломатической линии или стать журналистом-международником! В ответ Павел только усмехался:

– Для того чтобы поступить в такие профильные заведения, как МГИМО или журфак, нужно, несмотря на равные права граждан, быть намного правее, и не только правых, но и левых.

После окончания института Звягинцева распределили в армию, присвоив звание лейтенанта, и Стрельцов из чувства солидарности напросился взять его туда же. Но попали они в разные войска – Боря в десант, а Паша в артиллерию. Жизнь их развела, но дружба не ослабла, и они по возможности встречались, не теряя друг друга из вида.

Отслужив положенный срок, Стрельцов мобилизовался и устроился на работу в НИИ старшим инженером по нефти и газу, а Звягинцев остался служить в армии кадровым офицером в одной из подмосковных частей.

Однажды вечером ему позвонил Павел и сказал, что им нужно обязательно встретиться в ближайшее время. Причину он не объяснил. Голос у него был взволнованный, и Боря понял, что у друга случилось нечто неординарное. Он выпросил сутки у начальства, якобы по семейным обстоятельствам, друзья встретились на выходе из метро и направились в кафе-мороженое – традиционное место их встреч.

Неожиданно к ним за столик подсел худощавый юноша со светло-желтыми волосами до плеч, страдальческой гримасой на лице и грустью в глазах.

– Тебе чего, убогий? – буркнул Борис, готовясь выставить нежданного соседа.

– Джинсы, диски интересуют? Зеленень не продадите? – спросил парень, вцепившись взглядом в сидящих рядом.

– Джинсы не нужны, за валюту сажают, а вот диски... «Роллинги» есть в наличии, Мик Джаггер? – спросил Павел. Он интересовался западной рок-музыкой.

– Есть два последних альбома, хотите купить? – поинтересовался волосатик. Он явно воспрянул духом.

– Хочу, но не сейчас. Как тебя найти? – поинтересовался Павел.

– Здесь и найти. У Михалыча, швейцара, спросите. Скажете, к Кеше, он вас и пропустит без всякой очереди.

Юноша вновь погрузился.

– Понятно, – задумчиво проговорил Борис. – Водку будешь? А то ты какой-то квелый.

– Нет, я на работе. Счастливо отдохнуть.

Волосатый юноша удалился.

– Видишь, к Кеше можно сюда бесплатно проходить. Век живи – век учись, как приобретать социальный статус... Что ты мне рассказать-то хотел? – Борис в ожидании уставился на Павла.

– Я в Израиль эмигрирую, – небрежно бросил тот, как будто произнес нечто незначительное.

– Чего?! – У Бориса брови вместе с глазами поползли на лоб. – Ну и шутки у тебя, боцман! С какой стати?! Ты что, иудей?

– К жене. Она уже там с полгода, – пояснил Павел.

– И давно ты сподобился жениться? – Удивление Бориса нарастало снежным комом.

– Полгода назад. Мы просто давно не виделись, поэтому ты не в курсе. Я хотел тебя на свадьбу пригласить, но мне сказали, что ты в командировке, – пояснил Паша.

– Было дело, – немного подумав, подтвердил Борис. – Она еврейка?

– Точно так. Зовут Элис – или Алиса, – фамилия Фридман. По профессии врач-стоматолог... Давай еще по чуть-чуть.

– Давай... Не женитесь на медичках – они тоненьки, как спички, – процитировал Борис фольклорный стишок.

Паша наполнил бокалы импровизированным коктейлем. Они молча чокнулись и выпили.

– Чудны дела твои, Господи! – воскликнул Борис, отправив в рот ложку с мороженым. – Павел Стрельцов, русский в бог знает каком поколении, эмигрирует в Израиль! Это мне впору туда подаваться, по их понятиям я чистокровный еврей... И где ты подцепил эту Алису?

– На рояле, – не задумываясь, ответил Паша. – В нашем институте тоска смертная – посадки и допуски, допуски и посадки, кульман проклятый замучил. Вот я и подался в свободное от безделья время в музыкальную студию – ты же знаешь, что я музыкалку по классу аккордеона окончил. А там такая девушка нарисовалась: скрипачка, утонченная натура, фейс, фигура – все на месте! Полный ганджибас! Но такая недотрога! Ну, ты знаешь, что я с женщинами особо не церемонюсь. А дело было так...

Стрельцов выдержал актерскую паузу.

– Припозднились мы как-то вдвоем, случайно или нет, но я посадил ее прямо на клавиатуру и поимел. Она и не сопротивлялась особо, лишь попискивала под рояльную какофонию. Потом призналась, что давно по мне сохла и очень рада, что я проявил неразумную инициативу. Она мне реально нравилась, мы начали встречаться, а потом я предложил ей руку и сердце. Она не отказалась, мы поженились. А через некоторое время она стала уговаривать меня переехать в Израиль – мол, чего ловить в этой стране? Элис знает мое отношение к советским лозунгам и призывам, читала вместе со мной Солженицына и другие подобные книжки. Я бы ни за что не согласился эмигрировать – какое отношение имеет коммунистическая мифология к моей родной стране? Ты же знаешь, что я не антисоветчик и не диссидент, просто разумного человека тянет блевать от всей этой пропагандистской фальши. Но тот же разумный человек понимает, что бороться с этим бессмысленно, нужно просто игнорировать и спокойно устраивать свою жизнь, даже без фиги в кармане. Потом, я же русский, чего мне там ловить среди евреев? А она возразила, мол, там свобода и демократия, там живет у нее какой-то высокопоставленный родственник, который устроит нашу жизнь. Но я уперся, Элис бросила свои мысли об эмиграции – без меня она не хотела уезжать. Но тут произошел инцидент, который все-таки меня подтолкнул на эту дорожку. Как-то взял я сдуру на работу мемуары генерала Краснова в списках, почитать между делом. Тем более никаких дел как раз и не намечалось – у нас в НИИ некая пауза в работе образовалась, чем-то надо было себя занять. Оставил я копию в ящике стола, а на следующий день ее там не обнаружил – спер кто-то. Ну, спер и спер – значит, я сам дурак. Но через месяц меня вызвали в партком. Там сидели партийный секретарь и мужчина в костюме цвета легированной стали и со взглядом практикующего вурдалака. Секретарь вышел и оставил нас вдвоем. Мужчина приветливо улыбнулся, представился Иваном Петровичем и произнес:

– По нашим сведениям, вы, Павел Антонович, увлекаетесь запрещенной литературой...

Я сразу понял, откуда он пришел – доблестный КГБ с горячим сердцем и холодными цепучими руками. Я сложил два и два и ответил:

– Это мемуары Краснова, что ли? Так откуда я знал, что они запрещены? Потому что в книжных магазинах не продаются? Так у нас много чего там не продается, приходится на толкучках втридорога покупать! Я знаю пять языков и много чего читаю чисто из любопытства: узнать альтернативные мнения, вовсе с ними не соглашаясь, или узнать какие-нибудь факты из истории или географии. Краснов – предатель, за фашистов воевал, но ведь интересно узнать, что было на душе у этого гада.

– Красиво излагаете, – сказал мужчина. – Впрочем, никто вас не записывает в антисоветчики, но и читать подобные опусы я вам не рекомендую во избежание несчастных случаев. Вы же советский человек, комсомолец? Если нет книжки в магазинах, так сходите в библиотеку!.. Однако я не собираюсь вас воспитывать, меня интересует другое: откуда у вас взялись эти копии? Они уже в пяти руках побывали, мы прошлись по цепочке и добрались до вас.

– А кто был предыдущий? – спросил я, очень желая насовать воришке по чавке.

– Этого я вам не скажу. Так откуда взяли?

Я столкнулся с ним взглядом, и этот взгляд не сулил мне ничего хорошего. Они в КГБ хотели выяснить источник происхождения копий, на меня им, похоже, было глубоко наплевать. Я бы заложил продавца, не задумываясь – чем торгует, то имеет, – да только кого именно заложить? Эти мемуары я купил за червонец у какой-то разбитной девахи на толкучке, видел ее в первый и единственный раз. Об этом я и доложил Ивану Петровичу.

– Не хотите выдавать сообщников? Ладно, мы и без вас до них доберемся. А вам ваше молчание может выйти боком, с врагами надо бороться всем вместе.

«Стучи на товарищей, пока рука не отсохнет», – подумал я. Он хлопнул ладонью по столешнице и сказал, что я свободен. Через некоторое время меня выперли из комсомола – плата за молчание. Вызвали меня на общее собрание с повесткой типа «О поведении товарища Стрельцова, не достойного звания комсомольца». Я на это собрание, естественно, не явился, и меня исключили заочно. И тут я подумал о своей будущей карьере: у нас все инженеры в партию рвутся, чтобы их повысили в должности, а мне что светит? После этого мы и решили с женой эмигрировать. Она с подачи матери через какого-то дядю Мишу связалась с «Нативом» – это израильская спецслужба по переселению евреев, – ее там проинструктировали и направили в голландское посольство – с Израилем ведь прерваны все дипломатические отношения. В конце концов, после блуждания по интенциям типа ОВИР ей дали добро, но поставили условие, чтобы она предварительно развелась со мной.

– И что ты думаешь по этому поводу? – спросил я у Элис.

– Я без тебя никуда не поеду, но дядя Миша посоветовал мне один финт ушами. Нужно, сказал, подать на развод, взять из ЗАГСа соответствующую справку, а в день отлета мы типа передумаем. Пока очнутся, я уже буду в Амстердаме. Этот фокус проходил у него уже несколько раз. А потом сказал, что и тебя как-нибудь вытащим.

Элис без особых проблем эмигрировала в Израиль, но меня вытащить оказалось сложнее. «Натив» со мной и разговаривать не стал, потому что я не еврей, меня гоняли по инстанциям, отказывали под всякими предлогами. Я уже совсем отчаялся, но выход нашел все тот же дядя Миша:

– Был такой Яша Казаков, ныне он в Израиле Яков Кедми. Так вот, Яша нашел слабое место в эмиграционных барьерах. Наши власти очень не любят, когда в западной прессе их клеймят за нарушения прав человека. У тебя есть знакомые западные журналисты?

– Нет, – ответил я. – Но найду.

Я прошелся по связям, и меня познакомили с французской журналисткой Жанной. Мы с ней переспали для порядка, а потом в известной французской газете появилась соответствующая статья, где упоминался конкретно я в качестве отказника. После этого колесо Сансары завертелось, и через три дня я отбываю в Израиль через Голландию для воссоединения с семьей. Вот такие дела.

– Крутой замес... – задумчиво проговорил Борис. – А в Союз пускать будут? Ну, там, навестить родителей или еще для чего-нибудь?

– Вряд ли, – предположил Паша. – Но точно не знаю... Но все течет, все меняется, жизнь подкидывает сюрпризы. Мы еще встретимся, непременно.

Друзья проговорили весь вечер, до закрытия кафе оставалось несколько минут, а расходиться не хотелось.

– А поехали на родительскую дачу в Салтыковку? – предложил Паша. – Растопим печку, посидим еще. Там еды и выпивки запасено навалом, чаша полная.

Борис на несколько секунд задумался и согласился:

– А поехали! Мне на службу только послезавтра. Девиц будем цеплять?

– Да ну, не до них, – отмахнулся Паша.

Они добрались на метро до Курского вокзала, купили билеты и сели в электричку. Время близилось к полуночи, народу в вагонах наблюдалось мало. Поезд дал короткий гудок, лязгнул колесами и тронулся с места.

– Пойду покурю, а то все бегом да бегом, не успел, – сказал Паша и направился в тамбур.

Борис не составил ему компанию, он не курил. Компанию ему составила девушка его возраста, задумчиво пускающая дым в потолок. Паша достал из кармана пачку, воткнул в рот сигарету и, щелкнув зажигалкой, обратился к попутчице:

– А девушка не боится ездить так поздно одна?

– Девушка ничего не боится, – фыркнула девица и отвернулась.

«Строптивая кошка», – подумал Паша.

– Карачарово, – прохрипел динамик. – Следующая остановка – Чухлинка.

Открылись двери, и в тамбур ввалились два субъекта. Один из них, мужчина лет тридцати, худой и верткий, осмотрел цепким взором девушку и Пашу, и взгляд этот Паше сразу же не понравился: в нем сквозил, с одной стороны, агрессивный интерес, а с другой – некая настороженность, неадаптированность к повседневной жизни. Внешне он выглядел отменно: гладко выбрит, одет в импортные шмотки и обут в лакированные ботинки с длинным носом. На его пальцах виднелись татуировки и толстые перстни. «Явно сиделец, дерганный какой-то, неадекватный, видимо, недавно освобожден, не привык еще к нормальной жизни», – определил Паша.

Второй парень выглядел моложе – здоровенный амбал с небритой рожей, одетый в потертую куртку из кожаменителя и обутый в «говнодавы», как подобную обувь обозвали в народе. «Этот тоже, вероятно, из сидельцев, но вышел раньше, водят его с собой в качестве пугала, а интеллект у него, как у джунгарского хомяка, хотя и выглядит слоном. Хорек и слон». Павел усмехнулся. Он любил отождествлять людей с животными. Но вскоре ему стало не до смеха: «хорек» театрально развел руками, и на губах у него зазмеилась зловещая улыбка.

– Какие жирные гуси здесь обитают, – продекламировал он с блатной растяжкой. – Пальтишко богатое на фраере, а у девушки плащик моднявый. И кошельки пахнут рублями. Выкладывайте лаве, и разойдемся красиво. – В его руках блеснула финка.

У девушки от страха задрожали губы. Павел же не особенно испугался: «Видали мы таких». Он провел детство в хулиганском Марьино и не раз попадал в подобные переделки.

– Тебя надо в Малый театр определить. Обладаешь актерским талантом, – с издевкой заявил Паша и пропел: – «В шумном балагане любят собираться жулики, бандиты, воры всех мастей...»

«Хорек» слегка опешил от подобной наглости, но быстро взял себя в руки:

– А перо в бочину не хочешь, фраерок? Быстро выкладывай фантики!

«Слон» сделал страшную физиономию и сжал кулаки.

«На психику пытается давить, придурок. Для таких тюрьма – мать родная: выйдет, пограбит, погуляет и обратно. Денег ему, что ли, дать, чтоб отвязался? А то еще ткнет сдуру – не меня, так девицу... Хотя...» Паша поймал через стекло взгляд Бориса и провел растопыренной пятерней по волосам. Со студенческих времен для друзей сей жест обозначал «Внимание, готовность к действию». Звягинцев кивнул и вышел в тамбур.

– Что за шум, а драки нет? – радостно воскликнул Борис.

Его губы расплылись в бесконечной улыбке. Он мгновенно оценил ситуацию и начал играть в свою игру, изображая веселого клоуна. Борис внешне не внушил никакого опасения «хорьку» – худощавый, чуть выше среднего роста, обычный парень.

– Стадо пополняется, – продолжил блатное кривлянье «хорек». – Еще один жирный гусак. Ты тоже гони фантики!

– Да с удовольствием, – сказал Борис, продолжая улыбаться.

В следующий момент он левой рукой перехватил запястье с финкой, а правой врезал «хорьку» в кадык. Одновременно «слон» получил ногой в колено, охнул, согнулся и тут же получил добивающий удар ребром ладони по загривку. Павел не успел и глазом моргнуть, как увидел на полу два неподвижных тела.

– Чухлинка. Следующая остановка – Кусково, – проверещал динамик. Двери открылись.

– Быстро убираем этот мусор, – скомандовал Борис, кивнув в сторону лежащих грабителей. – А ты что стоишь – помогай! – обратился он к девушке.

Девушка засуетилась и схватила «хорька» за ноги. Вскоре тела оказались на перроне, а электричка двинулась дальше по маршруту.

– Ты их не убил? – спросил Паша, когда друзья вернулись в вагон.

– Живые, я вполсилы работал, – ответил Борис, поморщившись.

– А если бы в полную силу?

– Тогда было бы два трупа.

Они некоторое время помолчали.

– И где же тебя так научили драться? – прервал молчание Паша.

– В войсках, – буркнул Борис.

– Ты же самбист, Боря. Ну, там, броски, подножки. А это черт знает что, карате какое-то, – не унимался Паша.

Борис с минуту помолчал, а потом пояснил:

– Боевая система Смерш-ГРУ, предназначена для умерщвления людей без оружия.

Паша чувствовал, что Борису неприятен этот разговор, но любопытство взяло верх:

– Поподробнее, пжалста, товарищ Звягинцев. – Павел вопросительно уставился на друга.

– Зачем тебе это, Паш? – Борис хлопнул друга по плечу и улыбнулся.

– Все понятно, – с ехидством заметил Павел, – я почти иностранец, и ты не хочешь выдавать государственные секреты.

– А ты прав, однако, – мгновенно отреагировал Борис. – Ну, да ладно, для тебя не такой уж и секрет. Я служу в спецназе ГРУ. Меня учили этой системе сталинские соколы, гоняли, как собаку, до семи потов и били всерьез, примерно как я этих. Ребята прошли войну, и все крутые профессионалы. Более слабые либо погибли, либо отбраковались по другим причинам. Время было суровое, брака не терпели... Я продемонстрировал бой на ограниченном пространстве. Меня учили драться даже в машине, полной пассажиров... Ладно, хватит об этом.

– Хватит так хватит, – согласился Паша, пожав плечами.

– Следующая остановка – Салтыковская, – прохрипел динамик.

– Нам выходить. – Стрельцов поднялся со скамейки.

Дождь кончился, на небе высветились звезды. Друзья шли по темной улице и понимали, что судьба их разводит по разным дорогам. Возможно, навсегда.

Часть первая. Салам! Шалом!

Прозвучала команда: «Построение на втором этаже!» Была поставлена задача: за короткий срок принять должность, технику, людей и приступить к оказанию военной помощи дружественному египетскому народу в борьбе с израильским агрессором.

Из воспоминаний участника

Это неверно, что сейчас у меня нет былой уверенности в своей правоте. Я и сегодня убежден в том, что с точки зрения национальных и государственных интересов был абсолютно прав. А с человеческой? Бывает, задумываюсь: пошло ли сделанное мной на пользу всем этим людям? Обрели все они счастье на новой родине?

Яков Кедми

Салам алейкум, Египет!

Здание Главного разведывательного управления напомнило Звягинцеву производственный цех: бетонный прямоугольник с рядом окон во всю стену. На входе у Звягинцева проверили документы и выдали временный пропуск.

Вызов к высокому начальству явился для Бориса полной неожиданностью. Утром его вызвал командир полка и сообщил, что его, капитана Звягинцева, временно куда-то переводят, для чего ему следует завтра явиться в Четвертое управление, к начальнику, для получения вводных. На вопрос, куда его переводят, командир только пожал плечами. Складывалось впечатление, что его не посчитали нужным поставить в известность.

– Кого ты порекомендуешь вместо себя? – спросил он.

– Лейтенанта Козинцева, – не задумываясь, ответил Звягинцев. – А Четвертое управление – это ближневосточное?

– Точно так, – подтвердил полковник. – Удачи вам, товарищ капитан.

«Похоже, что меня переводят надолго, если не насовсем», – прикинул Звягинцев.

И вот он здесь, в здании ГРУ СССР. Поднявшись на второй этаж и предъявив пропуск охраннику, Борис поинтересовался, как ему найти начальника управления, на что получил ответ, что начальник отъехал по делам и вернется через час.

– Рекомендую пока посетить Зал Славы, – добавил охранник.

В Зале Славы, разглядывая фотографии погибших героев, Звягинцев наткнулся на знакомое лицо. Этого лейтенанта он знал по операциям в Афганистане. «А ведь мог и я здесь висеть... – прикинул Борис. – Были ситуации...»

Начальник управления, моложавый, подтянутый полковник, принял его сразу по возвращении. Судя по его озадаченному лицу, ему было вовсе не до Звягинцева, поэтому разговор получился коротким.

– Вы направляетесь в Египет для выполнения особых поручений, по официальной версии, в качестве инструктора по рукопашному бою, а на самом деле – в подчинение генералу Бабашкину для выполнения правительственных заданий по вашей специализации и не только. Направляетесь в составе советской научной делегации на международный симпозиум по микробиологии. Отправление завтра. Подробности и инструктаж получите.

На этом аудиенция закончилась.

Группа ученых вместе со Звягинцевым вылетела в Каир. В микробиологии Звягинцев слабо разбирался – вернее, вообще не разбирался, – поэтому не вступал в разговоры на научные темы, которые ученые вели непрерывно, а лишь улыбался и кивал головой.

Прибыв в египетский аэропорт и пройдя все необходимые процедуры, старший группы, он же куратор от КГБ, отвел ученых в бар и, предложив выпить кофе, велел держаться вместе и никуда не отлучаться.

За столик к Звягинцеву под села дама средних лет в очках и с прической «барашком». Они познакомились. Звягинцев тут же заговорил с ней о пирамидах и сфинксах с отбитым носом, чтобы не затрагивать профессиональные темы.

В бар зашел молодой белобрысый парень в шортах, солнцезащитных очках и футболке. Остановился у входа, поймал взгляд Звягинцева и коротко кивнул. Борис все понял и тут же сделал вид, что засуетился, сотворил страдальческую мину и сказал соседке:

– Ой, мне надо в туалет, а в баре его нет. Я быстро. Ничего страшного.

Он оправдывался, как недотепа, которого не вовремя припекло с животом и которому неудобно, неловко, но проблему как-то решать надо. Женщина устремляла на него сострадательные взгляды, но помочь, естественно, ничем не могла.

Покинув бар, Звягинцев, следуя за парнем в шортах, быстро направился к выходу из аэропорта.

Вернулся куратор, посчитал по головам членов делегации и предложил переместиться в автобус, который их ждал на стоянке. О Звягинцеве он не вспомнил, но вспомнила женщина в очках и с прической «барашком».

– Тут рядом со мной сидел Борис. Он пошел в туалет, надо его дожидаться, – обратилась она к куратору.

Тот строго и недоверчиво на нее посмотрел.

– Какой еще Борис? У нас в делегации нет никакого Бориса. Это какой-то случайный посетитель. Нина Ивановна, прошу вас на выход – автобус ждет.

Женщина недоуменно пожала плечами – она заприметила этого парня, снующего среди делегатов, еще в Москве и явно ему симпатизировала.

Когда они сели в машину, парень в шортах представился:

– Данила Коротков, не путать с Даниилом. Среди своих – Даня. Старший лейтенант, это в Союзе. А здесь – кем назначат. Твой будущий помощник или заместитель, как хочешь называй. Будем работать вместе.

– А в чем помогать будешь? – поинтересовался Борис.

– В чем возникнет потребность. Генерал тебя введет в курс дела. Ничего, что я на «ты»?

– Терпимо, – буркнул Звягинцев.

Коротков вел машину расслабленно, непринужденно, и Борис сразу понял, что рядом с ним умелый водитель – так он втискивался в ряды между машинами и обгонял на грани фола.

В окне замелькала природа Каира, а вскоре появились и городские постройки. Но Звягинцева они мало интересовали – он думал о перспективах.

– Генерал вряд ли тебя сегодня примет, – сказал Коротков. – Поселишься в нашей гостинице, получишь военную форму и гражданскую одежду, естественно, европейскую – не тянешь ты на араба. Захочешь поесть – есть бесплатная столовая, а для любителей местной кухни – кафе напротив гостиницы. Имеются спортзал и библиотека, я тебе все покажу. Обустраивайся, в город лучше не выходи – чревато в ситуацию попасть... Все, подъезжаем.

Генерал Бабашкин принял его на следующее утро у себя в кабинете. Худощавый мужчина за пятьдесят, одетый в штатское, – он прошел всю войну и даже некоторое время числился комендантом Вены. Звягинцев об этом знал и испытывал некоторый трепет. Но все оказалось просто. Борис представился, и ему тут же предложили присесть. Бабашкин сразу перешел на «ты» – видимо, у них здесь было так принято, – но генерала Борис «тыкать» не рискнул.

– Я не знаю, как тебя ориентировали в управлении – скорее всего без подробностей. Подробности тебя изложу я. Рекомендовал тебя полковник...

Звягинцев хорошо знал этого полковника по прошлым операциям, когда тот еще был майором. Генерал тем временем продолжил:

– Здесь ты будешь преподавать рукопашный бой египетским бойцам. Ребята сильные, ловкие, попадают спортсмены высокой категории, но к реальному бою подготовлены слабо. Однако этим ты будешь заниматься в фоновом режиме, в промежутках между основными операциями, в которых ты будешь участвовать по моему приказу. Ситуация в Египте сейчас предвоенная, арабы вот-вот сцепятся с Израилем по поводу Синайского полуострова. Мы должны им всячески содействовать. Ты, вероятно, в курсе, что Израиль оккупировал Синай и Голанские высоты во время Шестидневной войны. Ну а кто же смирится с потерей территории? Египетская армия, не без нашей помощи, к настоящему времени значительно усилилась и готова вернуть утерянные земли. Но подробности тебе пока знать не положено, просветим, когда возникнет необходимость. В помощниках у тебя будет старший лейтенант Коротков, ты с ним уже знаком. В совершенстве владеет арабским, ивритом и английским языками, знает местные обычаи. В наличии общая подготовка по рукопашному бою, но и стреляет хорошо – закончил снайперские курсы. Кроме того, он сильный аналитик, да и вообще, хороший парень.

Луч света прорвался через щель между шторами и ударил Звягинцеву по глазам. Борис сдвинул стул в сторону, не сводя взгляда с генерала. Зазвонил телефон. Генерал взял трубку, некоторое время молча слушал, потом произнес: «Обеспечим» – и вернул трубку на место. На его лице появилась хитрая улыбка.

– Ну вот, товарищ капитан, вам первое задание. Несложное, но ответственное – так сказать, для разминки. У нас сейчас все в разгонах, в разъездах, а тут возникла необходимость сопроводить одну серьезную даму в публичное место, на международную конференцию по вопросам экологии. Вернее, не на саму конференцию, а в банкетный зал, где жизнерадостные участники будут отмечать ее окончание. Повод для выпивки великолепный. – В глазах генерала заиграли искорки смеха. – Зовут даму Татьяна Леонидовна, но вы называйте ее просто Таней или даже Танюшкой. Вы ее сопроводите до ресторанного зала, она там встретится с нужным человеком, и все. Попутно познакомьтесь с Каиром.

– Обратно тоже ее везти? – спросил Звягинцев.

– Обратно не надо, только туда. Да, и получите гражданскую одежду и документы о прикрытии.

В кабинет вошла молодящаяся женщина за тридцать, явно попытавшаяся сбить свой возраст лет на десять. И ей это удалось: в коротеньком кремовом платье в обтяжку (стройная фигура это позволяла), с в меру накрашенным лицом и распущенными по плечам русыми волнистыми волосами она и в самом деле выглядела намного моложе своих лет. «Понятно, почему она хочет, чтобы ее называли Танюшкой», – внутренне усмехнулся Борис.

– Вот, Татьяна, знакомьтесь. Борис, он же капитан Звягинцев, сопроводит вас в запланированное место.

Женщина взглядом закройщика посмотрела на Бориса, улыбнулась и протянула ладошку.

– Таня.

«А она ничего такая, не стыдно с ней по улице пройти», – подумал Звягинцев.

Спускаясь со второго этажа, он взглянул на выданный ему документ: «Посольство СССР. Секретарь-референт». Борис понятия не имел, какие обязанности выполняет секретарь-референт, и определил для себя, что это «что-нибудь на побегушках». Впрочем, он не был далек от истины.

...Татьяна уже сидела на заднем сиденье черного «Фольксвагена». Борис подсел к ней, назвал адрес водителю, и они поехали. Он был одет в серый костюм, белую рубашку и выглядел весьма презентабельно.

Машина свернула на одну из центральных улиц с трамвайными путями посередине и домами колониальной постройки. Правила дорожного движения здесь выполнялись весьма условно – пешеходы, несмотря на широкий тротуар, постоянно выходили на проезжую часть, поэтому регулярно раздавались автомобильные сигналы. Одежда как азиатского, так и европейского покроя преимущественно имела черно-белые оттенки. Женщина в черном хиджабе и с корзиной с фруктами на голове выскочила на мостовую прямо перед машиной. Водитель посигналил, она дернулась, чуть не уронила корзину и быстро засеменила на противоположную сторону.

Борис с интересом созерцал возникавшие жизненные картинки, а Татьяна вообще не смотрела в окно – видимо, привыкла. Она сидела, прикрыв глаза, и беззвучно шевелила губами. «Текст, что ли, какой-то повторяет?» – подумал Борис, бросив взгляд на свою подопечную.

Водитель свернул на боковую улицу, вымощенную тесаным камнем, где могли едва разъехаться две легковые машинки. Дома здесь стояли преимущественно двух- и трехэтажные, на балконах было развешено белье. По бокам сутились уличные торговцы с разномастным товаром.

Впереди, на проезжей части, показался мужчина в белом балахоне и без головного убора. Он вел ишака, запряженного в тележку с грудой мешков, и на сигнал никак не прореагировал. Впрочем, как и осел. Пришлось объезжать.

Свернули на другую улицу, более широкую, заасфальтированную, и попали в пробку. Назад вернуться возможности уже не было.

– Мне нежелательно опаздывать, – сказала Татьяна. – Человек серьезный.

– А что я могу сделать? – с досадой проговорил шофер, ударил ладонью по рулю и смачно выругался.

Вдруг Борис увидел впереди группу парней, лавирующих между машинами, кричащих и размахивающих обрезками труб и кусками арматуры. Они били стекла автомобилей, невзирая на пассажиров, а некоторых пытались вытащить наружу – в основном молодых женщин. Борис напрягся: эта картинка ему совсем не нравилась. «Если бы я был один...» Он посмотрел на свою соседку. Татьяна оторвалась от размышлений и таращилась в окно. Судя по побледневшему лицу, она испугалась. Действо напоминало погром. Какой-то парень с лицом дебила и с черной повязкой на голове забрался на крышу одной из машин и стал неистово колотить по ней кувалдой. Другой тыкал арматурой в автомобильные фары и сильно этому радовался, разражаясь идиотским смехом и бессвязными выкриками. Другие парни били витрины, грабили магазины и с набитыми мешками исчезали в узком проулке. Уличных торговцев как ветром сдуло.

– Какая-то демонстрация, протест... – предположил водитель.

Борис представил себе майскую демонстрацию в СССР, и ему стало смешно.

– А против чего протестуют?

– Какое-нибудь повышение тарифов или убили не того, кого надо. Хорошо еще, что гроб с мертвецом по улицам не таскают, – ответил водитель и вновь со злостью ударил по «баранке».

– Мы опаздываем, – пробормотала Татьяна. Губы ее нервно подрагивали.

– Тань, а ты не боишься, что тебе дадут арматурой по голове или изнасилуют за ближайшим углом? Тогда ты точно никуда не успеешь! – Борис перешел на «ты» – какие уж тут политесы.

Он говорил насмешливым тоном, превращая все происходящее вокруг в нелепую шутку, чтобы женщина успокоилась и воспринимала события аналогично.

Стая громил неминуемо приближалась к ним. Полиции не наблюдалось.

– Отсюда далеко до места? – спросил Борис у водителя.

– Недалеко, – ответила за него Татьяна. – Пара кварталов.

– Ты знаешь, как туда добраться?

– Знаю.

– Рассказывай.

Борис, выяснил маршрут и решил, как поступить в создавшейся ситуации.

– Вылезай из машины, пойдем пешком, – непререкаемым тоном проговорил он. – Я за тебя отвечаю и лучше знаю, как лучше.

– Но ведь они нас... – попыталась протестовать женщина, но Борис ее перебил:

– Не бойся, отобьемся. Как говорил комдив Чапаев в одном из анекдотов, «куда ж они голой пяткой да на саблю!» – Он повернулся к водителю: – Ты здесь как-нибудь сам, а мы пошли.

Они вышли из машины.

– Иди возле стены и чуть сзади. Ничего не бойся, – сказал Борис Татьяне.

Парочка двинулась по улице спокойным прогулочным шагом, как будто ничто происходящее вокруг ни капельки их не волновало.

К ним подбежал взъерошенный мужчина с щербатыми зубами и начал что-то орать, грозя обрезком трубы. Борис небрежно от него отмахнулся... точный удар в висок мгновенно уложил крикуна на тротуар. «Пьяный или обкуренный. Скорее всего второе – тут пьянство не в моде».

Другой подбежавший получил раскрытой ладонью в лоб – удар, именуемый «Шомполом», – и, в свою очередь, оказался на земле.

Испуганная Татьяна схватила Бориса под руку.

– Руки у меня должны быть свободны, – спокойно проговорил тот. – Иди сама.

«Променад» продолжился. Миновав пробку на дороге, они уткнулись в кричащую колонну с плакатами, которая постепенно всасывалась в поток машин. Борис, выставив левое плечо вперед, двинулся прямо через толпу. Народ неохотно расступался, недобро поглядывая на непонятную парочку.

Внезапно подскочили двое протестующих с длинными растрепанными волосами.

– Инглиш мэн! Инглиш мэн! – закричал один из них.

Второй, рядом с ним, тоже что-то крикнул, Борис не понял. Оба аж тряслись от ярости. Звягинцев, не раздумывая, ткнул указательным пальцем в глаз сначала одному, потом другому, на что затратил не более секунды. Демонстранты отчаянно заверещали и согнулись пополам, упав под ноги толпе.

– Окривели оба. Теперь будут с черными повязками на глазу ходить, – небрежно бросил Борис, скосив глаза на Татьяну. Она всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

Где-то сзади вспыхнул автомобиль, и внимание толпы устремилось в ту сторону. Парочку оставили в покое. «Им сгодится любой повод для проявления агрессии, – подумал Звягинцев. – Коллективный психоз. Мозги набекрень».

– Нам направо, и там вроде бы никого нет, – сказала Татьяна.

Она махнула рукой в сторону перекрестка, и парочка повернула. Улица действительно выглядела полупустой, никто не кричал и не размахивал руками. Через несколько минут они вышли на одну из главных улиц и вскоре оказались у дверей шикарного отеля.

– Ну, ты даешь! – сказала Татьяна, широко раскрытыми глазами, восхищенно глядя на своего спутника. – Ты из спецназа?

– Точно, – подтвердил Борис. – А ты думала, к тебе кого попало приставят?

– Нет, я так не думала. – Лицо у женщины приобрело деловое выражение.

Войдя в холл, Татьяна подошла к портю и заговорила с ним по-английски, предварительно предъявив документы. Тот уважительно кивнул и что-то прокричал охраннику, кара-

улившему вход в ресторанный зал. Татьяна поправила прическу перед зеркалом и вошла в ресторан. Борис потоптался у входа и, увидев, как ней подошел солидный мужчина арабского происхождения, покинул отель.

На выходе к нему подскочили двое полицейских. «Тяжелы на помине», – подумал Борис. А еще он понял, что его собираются арестовать. И не ошибся. Один из полисменов указал ему на стоявшую неподалеку полицейскую машину, а второй попытался ударить под дых. Но не успел – получил ребром ладони по запястью. Борис это сделал рефлекторно, без подключения коры головного мозга. Полицейский зашипел от боли.

Но продолжения не последовало, потому что к ним подошел еще один полицейский – судя по нашивкам, их начальник. Он представился нагибом Магди (то есть по-местному «капитаном»), но это Борис понял даже при своем слабом знании арабского. А что потом сказал полисмен, он не понял и отрицательно помотал головой. Капитан Магди заговорил по-английски:

– Пройдите в машину, вы задержаны.

Вскоре Звягинцев очутился в полицейском участке, в клетке, в компании трех арабов с разбитыми физиономиями. Один из них жестом попросил закурить. Борис пожал плечами – мол, не курю.

Просидел он около часа, потом за ним пришли. Рядом с капитаном Магди стоял мужчина в сером костюме. Магди что-то бормотал по-арабски с извиняющимся выражением лица, но белый мужчина, не обращая на него особого внимания, сказал по-русски:

– Пошли, Звягинцев. Поразвлекался, и хватит. – В его голосе сквозило полное безразличие.

А Магди извинялся неспроста: когда он зашел в кабинет начальника полицейского участка и выложил ему на стол удостоверение Звягинцева (дипломатический паспорт пресс-секретарю не положен), начальник, внимательно прочитав документ, внезапно громко заорал на своего подчиненного:

– Какого шайтана ты ко мне русского притащил, да еще из посольства?! Ты что, дурак, хочешь дипломатического скандала? Тебя самого в клетку посадят!

– Он двоим демонстрантам глаз выбил, – начал оправдываться Магди.

– Чего?! – Начальник участка аж побелел от злости. – Их вешать надо, а не глаза им выбивать! Обкуренные бездельники! Еще не исключено, что подкупленные какими-нибудь шайтанами! Устраивают беспорядки, грабят людей, а спрашивать будут с нас! Мне пинков надают! Ты где был, когда это баранье стадо магазины грабило?! А тут расстарался!.. Объявляю тебе выговор! Свободен.

Магди пробкой вылетел из кабинета.

– Коля, атташе, – представился мужчина, когда они покинули полицейский участок. – Ты не бери в голову, у них тут это в порядке вещей, протестуют по любому поводу и без повода. Но старайся не подставляться. Ты ведь только что прибыл? Привыкай. Татьяна Леонидовна нам все рассказала с подробностями. – Он саркастически хмыкнул.

Когда Звягинцев доложил Бабашкину о выполненном поручении, генерал даже не намекнул о его приключениях, а лишь спросил:

– Танюшка не в обиде?

– Да вроде бы нет, – ответил Борис.

– Если бы ты еще знал, кто у нее папаша... – Генерал воздел глаза в потолок. – Ну, да ладно. Каир посмотрел? Как тебе город?

– Забавный, не соскучишься.

– Ну, на сегодня все. Отдыхай, обустраивайся. Завтра, в девять ноль-ноль, ко мне. – Генерал взялся за бумаги, давая понять, что аудиенция окончена.

Вечером Звягинцев пошел погулять. Погода стояла безветренная, на небо выползла полная луна. Он шел по тротуару, разглядывая редких прохожих, их приветливые лица. Светили уличные фонари. Он зашел в первое же попавшееся кафе, сел за столик и заказал кофе. Его соседи вели досужие разговоры под тихую музыку. Все здесь выглядело непривычно, необычно, включая протестную демонстрацию и посещение местной полиции. «Посмотреть бы еще пирамиды...» – подумал Борис. Ему было хорошо, он наслаждался жизнью.

Шалом, Израиль!

Приземлившись в израильском аэропорту, названном в честь первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона, Стрельцов прошел таможенные и пограничные процедуры, вышел в зал прилета и осмотрелся. Из багажа у него была лишь кожаная сумка на плече (зачем начинать новую жизнь со старым барахлом?). Проигнорировав мужчину с плакатом, встречающего эмигрантов, он прошел мимо пуленепробиваемого стекла, которое установили после нападения японских террористов, и начал шарить глазами по сторонам в поисках служащего аэровокзала. Элис его встретить не смогла, поскольку не знала точную дату его приезда, но Павел посчитал, что это и к лучшему – будет сюрприз.

Увидев молодого парня в форменной куртке служащего аэропорта, сидящего на стуле возле стенки, он обратился к нему на иврите:

– Где можно сесть на поезд до Тель-Авива?

– А вон там, – ответил парень по-русски, махнул рукой в нужном направлении и улыбнулся: – Ты только приехал, а на иврите лучше меня говоришь. Я вижу, что ты из Советского Союза – все вы одинаковые.

Павел поблагодарил служащего, вышел на перрон и, купив билет за шекели, которые ему обменял дядя Миша, вскоре ехал в вагоне, с интересом разглядывая проплывающие мимо пейзажи. Он вспомнил промозглый Амстердам, где ему пришлось безвылазно просидеть двое суток, снял куртку и закатал рукава рубашки: «Тепло! Благодарь!»

Напротив Павла сидел крупный мужчина в полицейской форме и внимательно его разглядывал. «Заподозрил в чем-нибудь?» Павел насторожился и отвернулся к окну.

– Русский? – услышал он голос.

– Ну да, русский, – ответил он, повернувшись к полицейскому, и при этом подумал: «Как они меня вычисляют, если я похож на еврея больше, чем сами евреи?»

– А я друз. – Мужчина протянул Павлу руку. – Это национальность, не имя. А зовут меня Вагиз.

Стрельцов слегка замешкался и пожал руку полицейскому.

– Павел.

– Вот и хорошо, – ответил Вагиз. – Скучно ехать. А так можно поговорить о том о сем...

– Я эмигрант из СССР, только что приехал, – пояснил Павел, чтобы начать беседу.

– А по тебе и не скажешь – хорошо на иврите говоришь. – Вагиз достал из кармана пакет с финиками. – Будешь?

Павел не отказался.

– Мы, друзья, пустынные, – продолжил беседу полицейский. – Но нас в отличие от арабов приглашают служить в армии и полиции. Нам нравится жить в Израиле. Я служу в Вифлееме, там живут в основном палестинцы. А они относятся к друзьям терпимее, чем к евреям, поэтому нас и посылают служить туда. Вот заеду в Хайфу по делам, а потом поеду дальше по месту службы – в Вифлеем.

Они разговаривали до самой Хайфы, где Вагиз сошел. В основном говорил он, а Павел лишь впитывал информацию о местных реалиях, слегка поддерживая разговор.

Сам он вышел на следующей остановке. Станция находилась в предместье Хайфы под названием Крайоты. Сойдя с перрона, Павел увидел такси, притулившееся неподалеку. Павел подошел к машине, прикинул, на каком языке разговаривать с водителем, и спросил по-арабски:

– Вы можете меня доставить... – Он назвал адрес.

– С удовольствием, – ответил водитель, действительно оказавшийся арабом.

Дом, где обитала Элис, стоял на побережье Хайфского залива. Между домом и морем проходила шоссейная дорога. Перешел ее и сразу оказался на берегу Средиземного моря. Слева – Хайфа, справа – Акко, а между ними – десятки километров непрерывного песчаного пляжа.

Найдя нужный номер квартиры, Павел позвонил. Дверь открылась, на пороге показалась Элис с широко раскрытыми от удивления глазами.

– Это ты?!

– Вопрос на засыпку, – сказал Павел и коротко поцеловал жену в губы.

Он зашел внутрь и сразу попал в гостиную – прихожей как таковой не имелось. Квартира была двухкомнатная, с большим чуланом, балконом и необычной планировкой, сильно отличавшейся от советских стандартов. Пол был покрыт не линолеумом и не крашеными досками, а каменными плитами. На подоконнике Павел заметил телефон, что его сильно обрадовало.

Он разулся и подошел к жене. В легком коротком платье и с разбросанными по плечам волнистыми волосами она выглядела обольстительно. Павел, ни слова не говоря, схватил жену в объятия и повалил на диван. Элис попыталась возразить, мол, сначала надо в душ, но Паша только буркнул: «Повременит», – и начал торопливо раздевать себя и ее. Одежда, как бабочки, летала по всей комнате.

Удовлетворив первый любовный голод, они вскоре сидели за кухонным столом и пили кофе. После принятия водных процедур Павел накинул на бедра банное полотенце. На Элис, кроме узкого купальника, тоже ничего не наблюдалось.

– Вот скажи, как меня вычисляют местные? Они сразу же признают меня русским. А я даже больше похож на еврея, чем ты. – Павел ткнул окурочку в пепельницу и усмехнулся.

– Как вычисляют, не знаю, – немного подумав, ответила Элис. – Но здесь я тоже русская. Все, кто приехал из Союза, русские, будь ты трижды хоть грузин, хоть кто. Национальность не имеет значения – тут такое разномыслие людей... Приезжают со всего мира. Население разделено по принципу «есть арабы, а есть все остальные».

– Понятно. Интернационал здесь весьма условный... Завари еще кофе.

Стрельцов сделал последний глоток и отодвинул чашку. Элис отошла к плите, а он задал очередной вопрос – его интересовало буквально все.

– А на какие шиши ты эту квартиру снимаешь? Она наверняка дорогая.

– Не очень. – Элис сняла с плиты турку с дымящимся кофе и поставила на стол. – Наливай... Деньги на квартиру дал дядя Меер.

– Он что, настолько щедр? – Павел изобразил на лице крайнее удивление.

– Да ну, – отмахнулась Элис. – В Израиле родственникам помогают не деньгами, а советами, хотя бывают такие советы, что они дороже денег. Но когда в кармане дыра, а в желудке пусто, то одними советами не насытишься. Папа кому-то дал рубли в Москве, а дядя Меер отдал мне шекели в Израиле – такой вот своеобразный перевод. А как иначе?

Родители Элис действительно были весьма небедные. Отец работал главным врачом в урологической больнице, и высокопоставленные партийные мужи щедро его вознаграждали за избавление от геморроя и уретрита. Мать возглавляла швейную мастерскую, где, кроме всего прочего, занималась подпольным изготовлением модных юбок плиссе-гофре. По словам Элис, у ее родителей даже мыслей не возникало об эмиграции – им и в Союзе жилось хорошо. Павел как-то спросил ее, почему она так рвется в Израиль, на что получил неопределенный ответ: «Душно здесь».

– Дядя Меер – человек здесь очень уважаемый, – продолжала Элис. – Он переехал в Израиль чуть ли не в момент его создания, был знаком с Бен-Гурионом, царствие ему небесное. По его рекомендации я быстро оформила гражданство, и меня взяли на работу в известную здесь клинику. Зарплату платят очень приличную по местным меркам.

– Значит, теперь я буду числиться у тебя в качестве альфонса? – ехидно заметил Павел.

Элис откровенно обиделась:

– Ты не просто дурак, Паша, а зловредный дурак. Врезать бы тебе по физиономии, да маникюр жалко.

– Ладно, ладно, без обид. – Павел поставил ладони щитом. «А то и вправду по морде даст, она может». – Тоже устраюсь на работу, как только оформлюсь. Не собираюсь сидеть ни на твоей шее, ни на шее дяди Меера.

– Не торопись. Сначала осмотришься, прикинь, что к чему. Дядя Меер поможет. Надо будет к нему съездить в Кейсарию, у него там особняк на побережье. – Элис на некоторое время задумалась, а потом в упор посмотрела на мужа. – Денег на достойную жизнь нам хватит, не уборщиком же тебе работать, с высшим-то образованием! Некоторые назад в Союз уезжают, им возвращают советское гражданство. Там он был каким-нибудь профессором филологии или истории или актером, а здесь? Кому он нужен в Израиле с историей Российского государства? Поработал мойщиком посуды в кафе и побежал обратно... Они привыкли к еврейской культуре, сформированной в Советском Союзе, а здесь другие ценности. У торговцев и ремесленников на языке и в уме одни числительные.

Павел накрыл руку Элис своей ладонью.

– Не волнуйся так. Мне это не грозит, у меня специальность востребованная, и иврит я знаю. И еще старший лейтенант запаса, артиллерист – если война начнется, я ох как пригожусь!

– Типун тебе на язык! – возмутилась Элис. – А проблемы с ивритом действительно осложняют поиск достойной работы. Наши эмигранты к этому относятся весьма легкомысленно, пока петух жареный не клюнет. Выучат язык на потребном уровне и на этом останавливаются, крутятся среди олимов и общаются между собой по-русски... Правда, и я такая же, чему в ульпане научили, то и осталось. Но чтобы зубы дергать и коронки ставить вполне хватает.

– Так, соловья баснями не кормят, – прервал ее эмоциональный монолог Павел. – Пожрать бы не мешало...

Элис всплеснула руками:

– Ты же голодный! Бедненький! А я так увлеклась – полгода ведь не виделись! Только у меня в холодильнике пустынная зима, как в той песне, – только хумус и хлеб. Я ведь не знала, когда ты приедешь, не готовилась. Пойдем в кафе, здесь недалеко.

Павел с Элис отправились в кафе, пристроенное то ли к мелкой фабрике, то ли к низкопробному офису. Зал был полупустым, поэтому обслужили их быстро: принесли дымящееся мясо, несколько тарелок с салатами и гранатовый сок.

– Я столько не съем, – сказала Элис, взглянув на огромную порцию.

– Я помогу, – успокоил ее Павел – его желудок уже давно выражал бурный протест, требуя пищи.

За столиком возле окна сидел мужчина средних лет и прихлебывал кофе из фарфоровой чашки. Допив последний глоток, он встал и направился к барной стойке. Внезапно ноги у него подкосились, он схватился за сердце и начал выписывать по полу кренделя, чтобы не упасть.

– Мужчине плохо, помоги ему! Смотришь на него, как на цирковой номер! – Элис укоризненно посмотрела на мужа.

– Сейчас.

Павел вскочил, подхватил мужчину под мышки, отвел к столику и усадил.

– Может быть, «Скорую помощь» вызвать?

– Нет, не надо, – отмахнулся мужчина. – Я сейчас... – Он в вынул из кармана пузырек с таблетками и засунул одну в рот. – Все нормально. У меня случается...

Павел пожал плечами и вернулся к жене.

Расправившись с едой, они жестами подозвали официанта, чтобы расплатиться. Павел сунул руку в задний карман брюк и обнаружил, что бумажника там нет. Он начал инстинктивно охлопывать себя, пока окончательно не поверил в пропажу. Под столом бумажника тоже не

было. «На месте же был, когда мы сюда пришли!» Паша продолжал обшаривать глазами кафе. Мимоходом он заметил, что мужчина, которому он помог, уже ушел.

– Что случилось? – Элис испуганно смотрела на мужа.

– Бумажник пропал, – буркнул тот.

Подошел официант и вопросительно уставился на клиентов.

– У меня кошелек пропал.

Паша виновато взглянул на официанта в ожидании скандала. Но скандала не последовало.

– Ничего страшного, – успокоил его официант. – Оставьте документ и сходите за деньгами.

Неожиданно к ним за столик присел молодой парень и выложил на стол бумажник Павла.

– Ваше хозяйство? В туалете обронили.

Этот молодой человек обедал через два столика от них. Его лицо сразу же показалось Павлу неуловимо знакомым. Сейчас же он не мог понять, зачем этот парнишка лжет – ни в какой туалет он не выходил. Они молча уставились друг на друга, а потом парень произнес:

– Ланжерон. Одесса.

И тут у Павла прорвало память:

– Миша!

В голове закрутились давние воспоминания.

На первом году службы в армии его послали на конференцию в Одессу. Начальство считало это мероприятие беспорядочным, серьезный личный состав отвлекать на подобную ерунду не хотело, вот и послали лейтенанта Стрельцова. В то время он еще числился в части как «не пришей кобыле хвост».

Отсидев положенное время в зале и вполуха выслушав выступавших, Паша решил искупаться и отправился на ланжеронский пляж, благо, тот был недалеко. На обратном пути он наткнулся на пивной ларек. Очередь была небольшая, и Паша решил попить пивка.

Внезапно он услышал отчаянную матерную ругань и увидел, как возле кипарисовых деревьев трое взрослых мужиков остервенело пинают лежащего на земле парнишку. Один из экзекуторов бил его по голове так, что лицо у жертвы уже превратилось в кровавую маску. Парень пытался сопротивляться, вскакивал на ноги, но его неминуемо валили на землю и продолжали бить.

Паша, несмотря на все свои заскоки, был романтиком и альтруистом. Он считал, что калечить человека и тем более убивать – неправильно. В трусости он никогда замечен не был. Подойдя почти вплотную к раздухарившейся компании, он сказал:

– Хорош развлекаться, отпустите пацана!

Экзекуторы остановились и уставились на незнакомца. Офицерский мундир внушал уважение, поэтому Пашу не послали сразу на три буквы, а пустились в объяснения.

– Он лопатник сфиндюлил, шлимазл поганый, – произнес один из мужиков.

– Кошелек вернулся? – поинтересовался Паша.

– Вернулся.

– Вот и хорошо. Поучили его уму, и хватит. А то ведь убьете – в тюрьму сядете.

На удивление, экзекуторы как-то сразу охладели к драке – в тюрьму им точно не хотелось. Один из них еще разок для порядка пнул пацана, и они отправились восвояси.

Павел помог подняться несчастной жертве, и первое, что он услышал, было:

– Пивком угостишь?

– Это вместо «спасибо»?

– Спасибо. Пивком угостишь?

– Угощу, – сказал Паша после секундных раздумий.

– Я сейчас, только умоюсь. – Парень побежал в сторону моря.

Когда он вернулся, Павел успел взять две кружки пива.

– Пойдем туда. – Парнишка махнул рукой в глубь кипарисовой рощи. – Там лавочка есть... Меня зовут Миша.

– А я Паша.

До скамейки добрались молча. Уселись, хлебнули по глотку, а потом Павел спросил:

– Ну и зачем ты кошелек стырил?

– Так я ширмач, карманный вор – это моя профессия. Потомственный ширмач, отец у меня тоже ширмачом был, да помер на зоне от туберкулеза.

– Плохо тебя отец ремеслу учил, – с усмешкой проговорил Павел.

– Да не поймали бы меня, – начал объяснять Миша. – Это Варан меня сдал.

Паша не стал выяснять, кто такой Варан, а допил пиво, хлопнул парня по плечу и сказал:

– Аккуратнее живи.

– Постараюсь, – ответил тот...

– Точно! – ответил Миша. – А ты Паша... – Он на секунду замялся. – Запомни, Паша: задний карман брюк – это не твой карман, а чужой. Лучше за пояс затыкай, под рубашку, если других карманов нет.

– А ты как здесь оказался? – задал Павел глуповатый вопрос.

– Эмигрировал два года назад.

– И до сих пор занимаешься своим ремеслом?

– Нет, завязал, – сказал Миша. – Здесь я занимаюсь изготовлением могильных плит – клиентура никогда не иссякнет. Намного выгоднее и безопаснее. Дядька пристроил, он на три года раньше меня эмигрировал. Живу аккуратно – запомнил я тогда твое напутствие... Я тебе просто вернул давний должок. Этот кент тебе по ширмохе ударил, прикинулся больным, клоун хренов, – я подобные вещи сразу засекаю. Не успел тебя предупредить, пришлось идти за ним. Прикинулся слепым, когда тот дорогу переходил, обхватил его, как будто бы случайно, ну и так далее. Сырой он еще для таких дел. Шлимазл. – С минуту помолчали. – Ну, я пошел.

Миша улыбнулся, поднялся из-за стола и вышел на улицу, а Павел, поглядев ему вслед, подумал: «Жизнь не столь прекрасна, сколь удивительна».

Стрельцов все-таки отлучился в туалет. А когда вернулся, обнаружил двух молодых арабов, подсевших за столик к Элис. Один из них пытался завладеть ее рукой, она брезгливо отмахивалась. Павел, проведенный детство в хулиганском районе Москвы, в подобных случаях не привык церемониться. Он подхватил первый попавшийся стул и приземлился между ухажерами. На их лицах блуждали похотливые улыбки. Посмотрев сначала на одного, потом на другого, он коротко бросил по-русски:

– Брысь отсюда!

Видя, что его не поняли, он повторил то же самое на иврите. Улыбки сползли с лиц нежданных ухажеров, но они и не думали уходить.

– А ты что, купил ее? – спросил один из них.

– Это моя жена, – сообщил ему Павел.

Не подействовало – арабы остались на месте. Это окончательно вывело Стрельцова из себя. Он встал, взял сидящего справа одной рукой за грудки, приподнял и смачно врезал ему кулаком по челюсти. Бедолага снес соседний пустой столик и распластался на полу. Павел повернулся ко второму, но того уж след простыл.

– Брысь отсюда! – повторил он, глядя на встающего с пола араба.

Тот потряс головой, приходя в себя, потом неуклюже встал и заковылял к выходу.

Павел вернулся к Элис. Она выглядела абсолютно спокойной.

– Чего ты так взбеленился? – с упреком спросила она. – Двое молодых людей, увидев, что красивая девушка сидит одна, решили познакомиться.

– Они тебя лапали! – возмутился Павел. – И команды сразу не выполняют.

– Сказал бы им, что ты русский – они бы и сами ушли, – пояснила Элис. – Наши арабов не жалуют, а вот польские и немецкие евреи побаиваются.

– Первый день в Израиле и столько ярких событий! – Павел криво усмехнулся.

– Это случайное стечение обстоятельств, – успокоила его Элис.

Через некоторое время в кафе зашли двое полицейских и приблизились к их столику. Один из них с серьезной миной на лице проговорил:

– На вас поступило заявление: вы физически оскорбили вон того молодого человека – выбили ему челюсть. – Он махнул в сторону двери, куда заглядывал обиженный араб. – Вас придется доставить в полицию для составления протокола.

Этим можно было напугать кого угодно, но только не Элис.

– Вон тот жалуется? – Она, в свою очередь, указала на дверь. – Тогда я хочу сделать встречное заявление: двое молодых людей хотели меня изнасиловать, угрожали избить, а этот, – она вновь указала на дверь, – меня ударил по руке, вот синяк. – Она задрала рукав платья – синяк и в самом деле присутствовал. Правда, сама Элис не помнила, где она его заполучила – скорее всего при диванных упражнениях со Стрельцовым. – Это мой законный муж, – она кивнула в сторону Павла, – и он встал на мою защиту. А что он должен был делать? Смотреть, как меня насилуют?

Под таким напором полицейские замялись.

– Но мы все равно должны составить протокол, – проямил один из них.

– Давайте прямо здесь и составим. Обязательно составим – все участники конфликта присутствуют, – предложила Элис.

Полицейский подошел к арабу, о чем-то с ним быстро переговорил и вернулся.

– Он согласен пойти на мировую.

Элис изобразила тяжелые раздумья и ответила:

– Мы согласны, хотя не стоило бы. Парень молодой и по молодости делает глупости.

Пусть живет дальше без уголовных дел.

Когда полицейские ушли, Павел проговорил:

– Тебе бы не стоматологом работать, а адвокатом.

По дороге домой они зашли в магазин, купили продуктов, включая свинину, а вечером пожарили отбивные котлеты.

– Как здесь со свининой? Едят? – поинтересовался Паша, уплетая котлету.

– Не едят хасиды и блюстители кашрута, остальные потребляют в разной степени, даже арабы, – ответила Элис.

Поужинав, они вышли на балкон. Стемнело, на набережной зажглись фонари.

– Скоро грозы начнутся, – сказала Элис. – Молнии над морем сверкают десятками и непрерывно – жуть! В Союзе такого не увидишь.

– Как-нибудь выживем, – сказал Павел. – Я по тебе очень сильно соскучился...

...Стрельцов проснулся, продрал глаза и некоторое время наблюдал, как на спинке кровати совокупаются две жирные мухи, при этом подумав, что природа разделила процесс оплодотворения на два типа: внешний и внутренний. Мухи используют внутренний, как и люди...

Осознав, где находится, и отогнав фривольные мысли, он похлопал рядом с собой по кровати. Элис рядом не было. «На работу ушла», – догадался он.

Павел побрился, умылся, слегка перекусил хлебом с хумусом и отправился к морю. Перейдя через дорогу, он миновал пальмовую алею, обогнул раскидистый куст цветистой бугенвиллеи и очутился на городском пляже. На песке загорали всего несколько человек, а купальщиков вообще не наблюдалось. Это крайне удивило Павла. Он был лишь на черноморских курортах, где люди на пляже лежат чуть ли не друг на друге. Под навесом четверо муж-

чин в преклонном возрасте играли в карты. Вдоль прибоя пробежал трусцой дедок в красных плавках. «Физкультурник!»

Павел подошел к картежникам, понаблюдал за игрой, но так и не понял, во что они играют. На кону лежали несколько купюр. «А в Союзе азартные игры запрещены».

Сбросив одежду, он вошел в море и побрел на глубину, впитывая брызги прибоя разгоряченным телом и распугивая мелких рыбешек.

Накупавшись вволю, Павел растянулся на песке. «А здесь не так уж плохо – теплый климат, море рядом, и никто не пудрит мозги коммунистической пропагандой...»

Заложники

В спортзале кроме ринга и борцовского ковра имелись гимнастические снаряды и мешки для битья. Когда Звягинцев и Коротков пришли, учебная группа уже была там. Кто-то разминался на снарядах, кто-то просто сидел на лавке и активно беседовал с такими же лентяями. На вошедших никто не обратил внимания.

Борис постоял с минуту, оценивая новый контингент. Эти бойцы пришли на тренировку в первый раз. «Ребята, как всегда, крепкие, накачанные. Пятнадцать человек, как и договаривались. Посмотрим, как они покажут себя в деле».

– Даня, переводи, – бросил он Короткову. Потом вышел на середину зала и скомандовал: – Построиться в одну шеренгу!

Это была не первая группа в обучении у Звягинцева, поэтому он хорошо изучил повадки египетских командос и прекрасно знал, как быстро приучить их к дисциплине. Голос он не повышал, но команда прозвучала отчетливо, все присутствующие ее расслышали. Парни примолкли, устали на Бориса, а потом медленно, как бы нехотя, направились к незнакомому инструктору и начали строиться, подмигивая друг другу и хихикая.

Звягинцев усмехнулся:

– Вы прямо как беременные овцы. Вас уже сделали и похоронили.

Он понимал, что здесь присутствует элита египетского спецназа, которая хорошо знает себе цену. Этих парней словами не проймешь, как бы грозно они ни звучали. Свое право учить и командовать он должен доказывать делом, чтобы они смотрели на него, как на Аллаха, и выполняли команды до того, как они будут отданы.

Когда шеренга построилась, Борис начал приветственную речь:

– Меня зовут Борис Звягинцев. Я вас буду учить драться. Только не в ресторанах и на улицах, и даже не на ринге, а на поле боя с реальными противниками.

Двое бойцов ехидно ухмыльнулись, как бы показывая, что в питейных заведениях они разберутся без наставника и дополнительного обучения. Борис это заметил, но не подал виду.

– Вы считаете себя очень крутыми. Но в боевых условиях переоценка собственных сил заканчивается печально, трагически. Сейчас я вам кое-что покажу. Вот вы, двое улыбчивых, – выйдите из строя на два шага. И еще мне нужен третий... Ну, улыбнитесь еще кто-нибудь! Люблю весельчаков. – Никто не улыбнулся, и Борис указал на одного из бойцов. – Ты будешь третьим. Итак, спарринг. Полный контакт. Прошу на ковер.

Борис и трое египтян встали метрах в пяти друг от друга.

– Вот, смотрите на руку. – Звягинцев поднял правую руку и пошевелил пальцами. – Видите?..

Он не закончил фразу. В следующий момент он проехался на спине и врезал стопой по коленке среднего участника поединка, а затем, не поднимаясь на ноги, ткнул левому напряженной кистью в солнечное сплетение, вскочил, увернулся от удара правого и сделал ему «кошачью лапу» по глазам. Еще по три добивающих удара каждому, и «финита ля комедия». Трое египтян валялись на ковре, слегка постанывая.

Борис улыбнулся:

– Вот вся ваша крутизна. Кто-нибудь еще хочет попробовать или достаточно?

Глядя на поверженных товарищей, никто подобного желания не изъявил.

– Они уже трупы – я работал вполсилы, – продолжил менторским тоном Борис. – Главная их ошибка – они ждали команды. Привыкли, что есть рефери или стартер. А в бою судей нет, есть только враги, и вам без всякой команды дадут по башке из-за угла или ткнут штыком в брюхо из канавы. Предугадывай действия врага и бей первым!

Строй понуро молчал. Залихватская спесь слетела с бойцов, как пенюар с женского тела. Бойцы с уважением и страхом бросали взгляды на этого русского, по сравнению с которым они выглядели беспомощными щенками, если не насекомыми.

– Я должен сделать из вас не просто бойцов, а инструкторов рукопашного боя. На всех меня не хватит – вас много, – поэтому все мои команды выполнять неукоснительно и быстро. Работать в полную силу, но без фанатизма, чтобы друг друга не покалечить. Слабаков и нытиков буду отчислять из группы немедленно. Вы все поняли или повторить?.. Повторения не требуется. На первом этапе мы будем учиться драться без оружия, потом с применением сопутствующих предметов. Не только ножей и штыков, а любых: сучков, безопасной бритвы, канцелярской скрепки, ну и тому подобного. Слышали про такую борьбу – самбо? – Бойцы кивнули, а Борис продолжил: – Кроме спортивного самбо есть еще и боевое – самооборона без оружия. Но я вас буду учить не обороняться, а нападать. Врага нужно убивать одним ударом, максимум двумя. Мы будем изучать систему Смерш-ГРУ, которая впитала в себя все боевые искусства мира... Ладно, это все лирика. Тема сегодняшнего занятия – толчок двумя руками, способы защиты и контрприемы. Вроде бы ничего особенного – толкнул, и все. Но это смотря как толкнуть. Вот ты – на ковер! – Борис указал на одного из бойцов.

Парень подошел и встал напротив Звягинцева. К этому времени трое лежавших на ковре очухались и вернулись в строй. Было заметно, что египтянин нервничает, памятуя о судьбе предыдущей тройцы.

– Не бойся, балагана не будет, – успокоил его Борис и начал демонстрировать прием. – Это только называется толчком, а на самом деле это специфический удар. Наносится либо в голову, либо по нижним ребрам, в солнечное сплетение, печень, селезенку. – Давая пояснения, Звягинцев в замедленном темпе демонстрировал движения. – Зарядка идет локтями, потом резко выбрасываются вперед кисти, одна кисть перекрывает другую, и за счет сближения локтей идет толчок. Нападающий переходит в атакующую стойку, направляет вес на переднюю ногу, задняя нога толкает корпус вперед. Удар, и противник выключен.

Борис произвел прием в нормальном темпе, и египтянин согнулся пополам, получив удар в нижнюю часть груди.

– Это я еще только его приласкал, – усмехнулся Борис и скомандовал: – Всем разбиться по парам и отрабатывать прием! Только без фанатизма.

После окончания занятия Звягинцев планировал вкусно поест в одном ресторанчике – под музыку, не торопясь, – но обедать пришлось в столовой, потому что, приняв душ и выйдя в предбанник, он сразу же наткнулся на Короткова.

– Там тебя ждет посыльный от генерала, – сказал тот.

– Ты, Даня, прямо как тот гонец, которого казнят за плохие вести, – сказал Борис, осознавая, что ресторан отменяется.

Когда Звягинцев вошел в кабинет Бабашкина, то по выражению лица генерала почувствовал, что произошло нечто неординарное, накладывающее на генерала высокую степень ответственности. Так происходило, если указания отдавались не прямым начальством, а из высоких партийных структур.

Генерал поздоровался, предложил присесть и сразу приступил к делу:

– Взяли заложников – троих наших специалистов по гидрологии, которые работают на Асуанском гидроузле. Кто захватил, непонятно. Требуют десять миллионов долларов и вертолет, как обычно. Перед нами поставлена задача освободить их. Нашим властям видится в этом инциденте политическая подоплека, для них это дело принципа и чести. Но никакой политики здесь, естественно, нет – обычное вымогательство. Но кому ты это объяснять будешь? Журналистам, которые, подобно стервятникам, сужают круги, почуяв кровь и смерть?.. Египтянам операцию по освобождению поручать чревато, они начнут штурмовать в лоб, заложники могут погибнуть. Поэтому займешься этим персонально ты, капитан. Но не один – твои люди будут

в аэропорту через час. Пяти человек хватит, надеюсь?.. Заложники находятся в старой двухэтажной постройке на окраине Асуана. Для чего это здание раньше предназначалась, неизвестно. Окна на первом этаже узкие, как бойницы – человеку не пролезть. Постройка была выделена под лабораторию нашим гидрологам – там их и захватили. На данный момент здание заблокировано египетским спецназом – пытаются вести переговоры, но безуспешно. Руководит Махмуд. Ты его знаешь, у тебя его бойцы тренируются. Поговори с ним, проясни обстановку. Сходи к радисту – он знает, как с ним связаться. Вот, посмотри фото. Прикинь.

Генерал достал несколько фотографий, на которых было изображено некое строение в разных ракурсах, и передал их Звягинцеву. Борис быстро проглядел фото. «Дом сложен из камня. Постройка явно древняя – по крайней мере, стены. Напоминает опорный пункт или блокпост. Для обороны весьма эффективен – прямо форт какой-то, а не лаборатория».

– Оставь себе, – сказал Бабашкин, видя, что Борис собирается вернуть ему фотографии.

У генерала со Звягинцевым существовала договоренность, что если потребуется подкрепление из Союза, то привлекать будут именно бойцов его подразделения. В этом прослеживалась определенная логика: коллектив спаянный, все друг друга знают, и не формально, а по совместным боевым операциям.

– Я сам их встречу, – сказал Борис.

– Встречай, – согласился генерал. – Машина у вас есть. Если туда все не влезут, дополнительно возьмите микроавтобус. И сразу к делу! Обдумаете варианты проведения операции и сразу же доложите мне. Времени у нас мало – неизвестно, что в следующий момент отчебучат эти абреки.

Своих бойцов Звягинцев встретил на выходе из аэропорта. Парни были одеты в одинаковые светло-серые костюмы, у всех были сумки через плечо. «Прямо инкубаторские», – подумал Борис.

До города доехали без приключений. Бойцам выделили комнаты, и они, побросав вещи, собрались у Звягинцева. Борис, введя товарищей в курс дела, в конце добавил:

– Мы не должны провалить эту операцию. И дело не в том, что в случае неудачи нас не поглядят по головке, а в том, что над советскими людьми издеваются какие-то обезьяны, причем не по национальности, а по сути. – Он показал фотографии. – Вот здесь они засели.

– Прямо цитадель, – выразил мнение один из бойцов.

– Какие будут мысли по этому поводу? – Борис внимательно оглядел каждого из подчиненных.

Посыпались предложения:

– Забросать светозумовыми гранатами. Добежать по лестницам до второго этажа, и в окна их. Со второго этажа в окно пролезть можно.

– А как подобраться? Там открытая местность – перестреляют, как уток.

– Можно ночью, если им подсветить нечем.

– Даже если нечем, будем атаковать при полной луне? Тучи по заказу не пришлют.

Каждый что-нибудь говорил. Только один боец сидел молча с задумчивым видом – лейтенант Дамир Исмагулов из Чечни.

– А ты что молчишь, как рыба? – обратился к нему Звягинцев.

– Думаю, товарищ капитан...

Борис его перебил:

– Товарищ Абрек, ты совсем расслабился на вольных хлебах! Никаких фамилий и званий!

– Виноват, товарищ Тайфун, – смущенно проговорил боец.

– Ладно, проехали. Давай, выкладывай свои мусульманские мысли.

Дамир засмеялся. Он не верил ни в бога, ни в дьявола, а во время боевых операций у него напрочь пропадало чувство гуманизма и милосердия. Но он числился ярым поборником спра-

ведливости, в каком бы виде она, эта справедливость, ни проявлялась, и Звягинцев частенько его одергивал, если это мешало работе.

– Вера везде одна, а вот традиции разные, – ответил Дамир. – Мне вспомнился один случай из детства. Один тейп выкрал двух женщин у другого тейпа, чтобы они вернули старые долги. Стали выяснять отношения, немного постреляли, а потом последовала ответная реакция: пострадавший тейп выкрал дочь у очень уважаемого человека из клана соперника. Предложили обмен. Судили, рядили, потом встретились, договорились и помирились. Но я сомневаюсь, что здесь, в этом конкретном случае, присутствуют межклановые разборки – просто бандиты решили срубить денег. Но метод применим... Они из Египта? Может, из Ливии или из Судана прискакали?

– Негры, что ли? – удивленно воскликнул один из бойцов с позывным Лошак. Своими габаритами и квадратной нижней челюстью он действительно смахивал на тягловую лошадь.

– В Судане и арабов хватает, – невозмутимо сказал Абрек. – Негры вряд ли на такое решились бы. Хотя все на свете случается.

– Что ты предлагаешь? – Звягинцеву становилось все интереснее.

– Установить бандитов, их адреса, выкрасть их родственников и совершить обмен. Риск, конечно, есть, но не совсем же они отмороженные идиоты. И может быть, обойдется без лишних трупов, – изложил свой план Абрек.

Идея была настолько неожиданной, не в традициях спецназа, что бойцы на некоторое время замолчали.

– А что, мысль реальная, – подал голос боец с позывным Куница. – Только вот, как их установить? Не мы же будем их устанавливать?

– Это точно, не мы, – подтвердил Звягинцев. – Но есть кому. В общем, так: вы устраиваетесь, обедайте – направляйтесь на будущее, как верблюды, а я пошел на доклад к начальству, подкину там идею Абрека.

Но сперва они вместе с Коротковым направились в радиорубку. Радист быстро связался с Махмудом.

– Махмуд. Кто на связи? – раздалось в переговорнике.

– Капитан Звягинцев.

Борис передал переговорник Дане. Тот быстро перетолковал с командиром египетского спецназа, а потом повернулся к Борису:

– Махмуд сказал, что говорить с этими бандитами без толку. Условий не меняют, да еще издеваются, мол, у нас тут и еда, и шмаль, и женщина в наличии, мы ее имеем в очередь, а она и рада, ей нравится. Говорят, что сумма выкупа большая и они могут подождать.

– Это к лучшему, – констатировал Борис. – Раз у них есть лишнее время, то и у нас оно есть. Пойди предупреди ребят, что скоро выезжаем. А я – к генералу...

– Ну, что решили? – задал вопрос Бабашкин, стоило Звягинцеву войти в кабинет.

Борис изложил идею Дамира Исмагулова.

– А что? – сказал генерал после некоторых раздумий. – Любопытно. Но некрасиво как-то, не по-нашему. Однако может быть весьма эффективно, если установить личности бандитов.

– Почему не по-нашему? – возразил Звягинцев. – В Чечне подобные действия практикуются, а Чечня – это часть СССР.

– Я хотел сказать, не по-русски и не в традициях спецназа. Ладно, хватит впустую разглагольствовать. – Генерал хлопнул ладонью по столу. – Короче, езжайте в Асуан. Там определитесь на местности. Ты встретишься по дороге с моим агентом. Пока туда будете добираться, он что-нибудь выяснит. Встретитесь в семь вечера возле храма Рамзеса Второго. Иди туда один, иначе встреча не состоится. Представись ему своим позывным, он назовется Заиром. Узнаешь его по темно-зеленой галабее, этот цвет там редкость. Он хорошо говорит по-русски и что-нибудь расскажет про этих террористов. А если нет, то действуй по своему усмотрению.

Но задание неминуемо должно быть выполнено! Поедете двумя машинами, одна у вас есть, вторую я позаимствовал у армейских. Оружие – pistols и ножи. Спецдежда нужна для твоих архаровцев?

– Нет, пускай в костюмах едут, чтобы не светиться – типа туристы. Да и я в гражданское переоденусь.

– Вот и ладненько. У меня все. Выезжайте немедленно. Удачи. – Генерал махнул рукой в сторону двери.

Добравшись до Асуана, Звягинцев послал машину с бойцами к захваченной лаборатории, чтобы те сориентировались на месте, а сам вместе с Коротковым поехал на встречу с агентом. К храму он пошел один, оставив Даню в машине.

Храм Рамзеса Второго издалика напоминал бесформенную скалу с выдолбленной нишей. В нише находился вход, а перед входом располагались четыре каменные фигуры фараона в сидячем положении. На площадке возле храма кучковались туристы.

Агента Борис обнаружил рядом с истуканами.

– Тайфун, – представился он незнакомцу.

– Заир, – ответил тот и коротко кивнул. – Давай отойдем в сторонку, а то стоим здесь, как эти статуи.

Он говорил с легким акцентом, и Борис уловил в его выговоре знакомые интонации. «И зовут его Заир. Служил у меня один Заир из Азербайджана...»

– Азербайджанец? – поинтересовался Звягинцев.

– Был когда-то, – с улыбкой ответил Заир. – Давай ближе к делу. Двоих из этой банды мы установили, они граждане Судана. Их семьи живут в городишке Хальфа, что недалеко от границы с Египтом. Зовут их Атон Санкт и Нахти Сириак. Арабы, оба контрабандисты. Адреса мы не установили, но я могу дать наводку. На север от главной мечети, первый поворот направо, третий дом – это дом Атона. Если въезжать в город со стороны реки, то увидите водонапорную башню, от нее четвертый дом, на крыше дома – флюгер. Это дом Нахти. Все дома в городе одноэтажные.

– Проблемы при переходе границы будут? – спросил Звягинцев.

– Будут, если поедете по дороге – там пограничный пост. А если не по дороге, да еще и ночью, то какие проблемы? – сказал Заир. – Бывают только конные раезды, но и днем они появляются редко. В трех километрах слева от поста есть два больших бархана. Проедете между ними, и никто вас не увидит... Ну, я пошел.

Заир снова коротко кивнул и вскоре затерялся в толпе туристов.

...Группа подъехала к Хальфе, когда уже совсем стемнело. Дома действительно были одноэтажными, улицы прямые, освещены редкими фонарями.

«Низкорослый какой-то городишко», – подумал Звягинцев и скомандовал:

– Разделяемся. Абрек, Лошак и Кот – поедете к Атону. Старший группы – Абрек. Там разберетесь, кого и чего. Только постарайтесь без трупов. Остальные – вместе со мной к Нахти. Выполнять!

Дверь в дом Атона открывалась внутрь и была заперта на хилую щеколду. Абрек знаками показал Лошаку, что надо сделать. Детина примерился и вдарил подошвой сорок шестого размера по двери так, что сорвал ее с петель. В темпе миновав прихожую, бойцы ворвались в дом. Лошак тут же вырубил толстого араба, приподнявшегося со стула с выпученными от удивления глазами. В комнате еще была женщина, она и охнуть не успела, как ее упаковали и заткнули рот кляпом. Абрек знаками показал, что они с Котом обследуют оставшиеся комнаты, а Лошак проконтролирует ситуацию здесь. В одной из комнат на узеньких топчанах спали две маленькие девочки. «Дочки», – прикинул Абрек. Он через открытую дверь просигнализировал Лошаку – мол, иди сюда. Девочки проснулись, бойцы усыпили их кратковременным пере-

жатию сонных артерий. Быстро покинув дом и прихватив с собой детей, бойцы поехали на заранее обусловленное место.

В команде Звягинцева все прошло более цивилизованно. Возле сарая бойцы отловили молодую женщину. Несмотря на бесформенный балахон, она выглядела весьма привлекательно. Куница зажал ей рот. Позвали Короткова.

– Не кричите, мы вам ничего плохого не сделаем, – по-арабски сказал подошедший Даня. – Вы же не будете кричать?

Женщина отрицательно замотала головой.

– Давайте пройдем в дом и там поговорим, – продолжил Коротков.

Компания вошла в дом.

– Как вас зовут? Наhti – ваш муж? – спросил Коротков.

– Зульфия, – ответила женщина. – Да, он мой муж. – Испуг у нее прошел, но в глазах стояло непонимание.

– Ваш муж с подельниками взял заложников и грозит их убить. – Даня посмотрел на Зульфию в упор гипнотическим взглядом. – Вы должны поехать с нами, уговорить его этого не делать и сдаться властям, иначе его убьют. Вы согласны?

Что могут сделать с ней самой, Коротков не стал расписывать – зачем зря пугать женщину? Она немного подумала и согласилась.

...Среди египетского спецназа, стоящего в оцеплении, Звягинцев увидел несколько своих учеников. Узнав наставника, они приветственно замахали руками.

Переговоры вел Махмуд – здоровенный араб с ниточкой усов над губой.

– Сдавайтесь. Отпустите заложников и выходите без оружия и с поднятыми руками, – орал он в мегафон. Две девочки и Зульфия стояли перед ним. – Атон, здесь твои дочери. Мы сделаем с ними то же самое, что вы делаете с женщиной, которая у вас. Но нас намного больше. Подумай, Атон, ради кого ты живешь. Я Махмуд, я не блефую и никогда не бросаю слов на ветер. Наhti, здесь твоя жена. Ты ведь любишь свою жену? – Он вынул пистолет и приставил его к виску женщины. – Она умрет, а потом умрешь и ты. А я знаю, что у тебя дети тоже есть. Мы их найдем и убьем.

Он убрал пистолет и передал мегафон Зульфии. Она закричала дрожащим от волнения голосом:

– Наhti, опомнись! Нас убьют, и дети останутся сиротами! Ты же знаешь, что о них некому позаботиться! Отдайте заложников! Наhti, я тебя очень люблю и не хочу, чтобы ты умер!

Махмуд забрал мегафон у Зульфии:

– Сдавайтесь, или мы прямо здесь начнем доказывать, что держим свое слово. Даю вам минуту на размышление. Время пошло.

Звягинцев посмотрел на часы. Секундная стрелка двигалась медленно, вязко, как будто цеплялась за циферблат. Пятьдесят секунд... сорок... тридцать...

В доме раздалась две короткие автоматные очереди. В окне второго этажа появилась человеческая фигура.

– Это я, Атон. Мы сдаемся.

– Сначала выпустите заложников, – последовал приказ.

Вскоре на пороге появились трое: двое мужчин средних лет и молодая женщина с растрепанными волосами и в порванном платье. Они на несколько секунд застыли, увидели военных и рванули по направлению к ним. Заложников Звягинцев с командой сразу взяли в кольцо.

– Все, все, успокойтесь, – приговаривал он, глядя на рыдающую женщину. – Вы свободны. Идите в машину, мы скоро поедem.

Несмотря на пережитые напасти, бывшие заложники улыбались. Они верили, что их освободят. Их с детства приучили, что русские своих не бросают.

Через пару минут из дома с поднятыми руками вышли двое бандитов.

– Стоять! – последовал жесткий приказ от Махмуда, когда они приблизились на расстояние десяти метров. – Где остальные?

– Мы их пристрелили. Они не соглашались на ваши условия.

Махмуд махнул рукой. Раздались два снайперских выстрела, и бандиты повалились на землю с дырками в голове. Живыми они египтянам не были нужны, а Звягинцева вообще не интересовала их судьба – он поставленную задачу выполнил.

– Два дня на отдых и развлечения, а потом – на самолет и в Союз, – сказал Борис своим бойцам, когда они вернулись в Каир. – Только без драк и богохульства, а то тут всякое случается.

Вечером, когда они сидели в ресторане и пили красное вино, Даня сказал:

– Все-таки эта асуанская операция пахнет дерьмом. Зачем было убивать этих бандитов? Они же сдались! Их надо было сначала отдать под суд. Это несправедливо.

– Еще один борец за справедливость. Даже Дамир смолчал, – сделав большой глоток из бокала, ответил Борис. – А потом – не мы же их убили. И не можем мы вершить правосудие в чужом государстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.